

*Игор Серебрянский
Оксана Алексеева*

НАСЛЕДНИК ЧЕРНОГО ПРЕСТОЛА

Оксана Алексеева
Егор Серебрянский

Наследник черного престола

Серия «Реальные и выдуманные миры»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43477229

Аннотация

Жил себе и жил, никому не мешал: любил девчонок, часто врал, нередко пользовался обаянием, играл в карты и занимал один из постов на нижнем уровне бесконечной трудовой иерархии. Не образец приличия, но вполне себе хороший человек. И тут передо мной встает красotka и заявляет, что я наследник престола в каком-то другом мире. Ладно бы какого-нибудь нормального престола, а-то ведь олицетворения злых сил. И я обязан усесться на него как лучший претендент на роль исчадия ада. Нет, я, конечно, не образец приличия, но такое...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	24
Глава 3	33
Глава 4	42
Глава 5	51
Глава 6	60
Глава 7	71
Глава 8	82
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Егор Серебрянский, Оксана Алексеева Наследник черного престола

Пролог

– Черный лорд умер, да здравствует черный лорд. Опять, – произнес первый хоасси, равнодушно разглядывая ногти. – Друзья, я начинаю подозревать нас в преступной халатности.

Тринадцатый хоасси, самый дряхлый и самый слабый маг из всех советников, нервно дернул плечом.

– Ваш тон неприемлем, господин Ноэ! Наша вина или нет, но это катастрофа!

– Вы правы, правы, господин Таш. За моим равнодушием скрывается страх и трепет, просто нет смысла паниковать внешне, если только ваше самолюбие бледностью лица потешить. – Он дождался, пока тринадцатый смущенно умолкнет и отведет взгляд, затем продолжил: – Для истерики нет оснований, для нее вообще никогда нет оснований, но господин Таш в чем-то прав. Это катастрофа. Такого же никогда не было, чтобы черные лорды мёрли, как мухи?

– Было, – занудно поправил господин Киrr, пятый советник и главный любитель покопаться в архивах. – Пять тысяч семьсот лет назад. Падение династии Лоре. Правитель не оставил завещания с полным списком наследников, а все известные его сыновья вскоре скончались. К счастью, хоасси тогда смогли выкрутиться и все-таки отыскать обладателя черной крови, но династия, как сами понимаете, все-таки сменилась. С тех пор к власти и пришли Корды.

– Вот только мир не рухнул? – уточнил Ноэ все так же лениво.

– Глупый вопрос, при всем уважении. Не рухнул, как видите. Но был на грани. И мы с вами сейчас, если позволите, в нескольких месяцах до этой точки.

Двенадцатый советник все же не сдержался и громко хлопнул носом. Ноэ поморщился, справедливо полагая, что хоасси не имеют права быть такими жалкими. Если надвигается конец мира, надо искать пути предотвращения, а не носами шмыгать. Если конец неотвратим, то уж с чистой совестью расслабиться и дожить с миром остатки его дней. Нос в этом процессе тоже не участвует. Потому Ноэ выпрямился, откинул темный капюшон и заговорил строже:

– У нас, в отличие от тех хоасси, список имеется! Конечно, это плохой вариант, но, спасибо покойному лорду, он был весьма любвеобилен. Два его сына умерли в течение двух недель от ядов, думаю, это дело рук кого-то, кто идет в этом списке дальше. Следующим значится его черное высочество

Зиак. Предлагаю не рассматривать его в качестве подозреваемого.

Советники только усмехнулись. Само собой, девятилетнего Зиака сложно подозревать в организации отравлений предшествующих наследников. А вот за Зиакom разворачивается список из двух десятков мужских имен, все разного возраста и статуса, но умерший правитель не просто так писал их в этом порядке. К настоящей власти готовили только первого – его отравили через десять дней после начала правления. Труп следующего лорда сожгли сегодня утром. И отравителем мог быть любой, значащийся на пергаменте, который держал в руке первый хоасси.

– Я больше скажу, – подал голос седьмой советник. – Если мы коронуем Зиака, то, наверняка, и он не проживет больше недели. Пройдут десятилетия, прежде чем мальчик сможет за себя постоять. Уж если первый наследник, которого готовили к подобным вещам, не сумел...

– Вы правы, – Ноэ подался вперед. – А время не ждет. Я предлагаю вернуться к разговору, который уже заводил после смерти первого дофина зла.

– Немыслимо! – прокричал девятый хоасси.

– Это мало того что сложно осуществить, но и последствия могут быть еще более ужасающими, – подтвердил второй хоасси.

– Хуже падения черного престола? – Ноэ вскинул брови. На это возразить было нечего. Все присутствующие пре-

красно знали, чем чревато промедление и что случится, если черный трон так и не займет новый правитель. Изменения последуют не сразу, но непременно будут. А каждый из тринадцати темных хоасси принес клятву держать мир на своих плечах, каких бы жертв это ни потребовало. Знал это и Ноэ, и на этот раз решил настаивать:

– Мы пропустили его, уже нарушили список. Я предлагаю вернуться ко второй строчке престолонаследия и короновать Киана из династии Кордов.

Самый спокойный и неторопливый одиннадцатый хоасси медленно кивнул и вышел вперед.

– Боюсь, господин Ноэ излагает истину, это мы допустили ошибку, пропустив Киана Корда. Он не подходит на роль правителя и мог участвовать в заговоре с еще меньшей вероятностью, чем младенец Зиак. По крайней мере, мы обязаны проработать и этот вариант!

– А что вам заговор? – пожал плечами третий хоасси. – Мы ведь говорим о черном престоле – так пусть его возьмет тот, у кого самая черная душа. Думаю, человек, убивающий собственных единокровных братьев, сможет держать зло в кулаке.

Ноэ поморщился, но все же поразмыслил над предложением перед ответом:

– Не совсем так, господин Шур. Он есть зло, и это прекрасно. Но есть ли он ум и расчетливость? Почему не пришел в Совет с этим предложением? Почему не выдвинул ни

одного требования? Да будь я на его месте, устроил бы террор и взял себе этот треклятый престол, раз могу усидеть на нем по праву крови. А он решил просто методично убивать всех наследников, пока до него очередь не дойдет? Прощу прощения, но это не самый простой и быстрый путь. Это путь труса или глупца. Вы точно хотите видеть на троне трусливого глупца, хоасси? Или того, кто предпочитает строить собственные планы без учета наших? Черному престолу нужен лорд, который первым делом не взывает к мудрости Тринадцати? Кажется, проще будет разрушить мир, вообще никого на трон не пуская, чем подарить корону такому идиоту.

С этим уже многие согласились, задумчиво закивали. Почти все присутствующие входили в Совет Тринадцати еще при прадеде почившего лорда, многие знали, что наследники зла часто не гнушаются никакими средствами. Но хитрость их должна быть умной, расчетливой, хороший политик не стал бы воевать с Советом прежде, чем попытается договориться. От нынешнего заговорщика же можно ожидать чего угодно, вплоть до полного отказа от советов хоасси. Чистое зло обязано быть умным, оно не имеет права на ошибки и отсутствие грамотных стратегий, за которые и отвечают советники. Глупое зло даже хуже, тьфу, умного добра. Вот только сомнений оставалось предостаточно. Снова их высказать осмелился господин Таш:

– А если Киан окажется вариантом еще хуже? Все-таки он вырослел в совсем другой среде.

Ноэ встал, спонтанно опираясь длинную черную рясу.

– У нас есть время, чтобы это проверить. Если мы договорились, конечно.

– Договорились, – отозвался одиннадцатый советник.

– Думаю, выбора все равно нет, – вздохнул пятый. – И лучше потратить время на поиски вариантов, чем на ожидание беды. Кто этим займется? Все тринадцать шорсир бывшего лорда до конца жизни в трауре, но для нашей задачи их можно будет использовать.

– Нет, достаточно одной. И лучше взять кого-то из тех, кто служил старому лорду! Я составлю ей компанию, – удивил всех первый хоасси. – Дело чрезвычайно важное, потому я отправлюсь за Кианом сам. Господин Таш, выберите из них самую лучшую.

– Они все идеальны, – чуть склонил голову советник. – Шорсир не умеют предавать, как и мы. Но если мы служим престолу зла, то шорсир самому правителю. Уверен, будет несложно убедить одну из них, самую молодую, что если она поможет посадить на престол сына предыдущего господина, то тем самым отдаст долг его памяти. С этим проблем не возникнет – каждая будет готова умереть за Киана, если правильно поставить цель. Но ваше путешествие... прошу прощения, господин Ноэ, я считаю мальчишеством.

Второй советник тоже подошел ближе:

– Я согласен. Пусть важнее задачи перед нами не стояло, но вы первый хоасси империи! Мы не открывали врата уже

больше двадцати лет, другие миры опасны и чужды. В том, где живет Киан, поговаривают, вообще нет магии. Вы будете беззащитны! И это при условии, что сможете пройти через врата. У нас нет черного лорда, чтобы он проконтролировал переход. А вас заменить сложнее, чем даже Киана Корда, если уж на то пошло.

Ноэ улыбнулся:

– Знаешь, Рой, я пережил уже четырех черных лордов, вел войны и побеждал свет, давал лучшие советы и праздновал торжество тьмы. И за это время немного устал. Я или посажу на престол Киана, или меня уже действительно пора заменить. Кстати, я ведь беру с собой шорсир, идеальную убийцу. Так что вряд ли можно назвать меня беззащитным.

– Возьмите всех шорсир, Ноэ! – воскликнул тот. – При переходе хоть кто-то из них выживет!

Ноэ подумал и покачал головой:

– Будет слишком подозрительно, если они все разом исчезнут. Не приведем ли мы этим заговорщиков к наследнику сами?

Он, не дождавшись ответа, вышел из зала. Ноэ все еще был высок и строен, никто из людей не смог бы представить его возраст. Древним стариком он был только под этой оболочкой. Да никто из людей и не смел поднять голову, чтобы заглянуть под капюшон и столкнуться взглядом с глазами первого хоасси черной империи.

Ноэ уже уселся в своем замке перед камином, потягивая

вино и размышляя о будущем путешествии. Другой мир пугал своей немыслимостью, до перехода предстояло ознакомиться со всеми архивными хрониками. И тем же привлекал – до своей кончины Ноэ захотелось увидеть еще что-нибудь, кроме извечного родного мрака. Он не удивился, что не услышал приближения гостя, это было бы странно. Не вздрогнул и когда раздался тихий монотонный голос:

– Я пойду с вами за наследником, первый хоасси. И отдам жизнь за него, если потребуется. Меня зовут Тринадцатая.

Он медленно повернулся и с удовольствием рассмотрел девушку. На таких мужчины и не могут смотреть без удовольствия: молодая, красивая, темноволосая, складная, неэмоциональная, – шорсир другими и не бывают. Идеальное оружие и лучшая охрана властелина, безропотный инструмент в руках лорда. Если бы ее хозяина убили, она, не задумываясь, перерезала бы себе глотку – знак, что шорсир не считает себя вправе дышать дальше. Но поскольку черного лорда догнала старость, то эта, как и двенадцать ее сестер, просто обрекла себя на траур до конца дней. Хотя нередко наследники брали шорсир отца себе – это и был лучший выбор для обеих сторон. Эту бы точно взяли, поскольку молодая, но, к сожалению, не успели. Так бы у них появился хоть один шанс выжить: сложно кого-то прикончить, если его охраняют тринадцать преданных до гроба убийц.

– Это хорошо, Тринадцатая, мне не мешает твоя помощь. Мы идем в чужой мир, где не работают законы при-

роды. Там будет сложно. Еще сложнее убедить наследника в его важной миссии. Зови меня Ноэ.

– Простите, – так же сухо ответила она. – У меня не тот статус, чтобы называть вас по имени, хоасси.

Он совсем по-старчески, что никак не вязалось с мимикой, улыбнулся и махнул рукой. Пусть называет как хочет. У самих шорсир даже имен нет, ни к чему. Рожденным лишь для того, чтобы исполнять приказы хозяина, им достаточно номеров. Хоть на что-то в мире тьмы можно полагаться – например, на шорсир, которые скорее сдохнут, чем предадут властелина.

Проход через врата осуществляли на третий день после решения. Все хоасси, они же лучшие маги черной империи, присутствовали и помогали открыть почти недвижимые за-слонки между мирами. Ноэ испытывал непривычный страх неизвестности – надо же, он и не думал, что способен так молодо ощущать сильные эмоции. Шорсир стояла рядом с абсолютно непроницаемым лицом. Для этой надо что-то побольше, чем светящийся желтым проход в иное пространство. Пятый советник быстро проговаривал все, что знает о новом мире, хотя повторил это уже раз десять. Девятый – сокрушался, что они не могут гарантировать точное попадание в нужное место, вратами пользовались очень редко, и чаще всего ими управляли черные лорды, только в таком случае система работала безотказно. Магия хоасси была иной, не нацеленной на такие действия, потому господин

Таш очень переживал о результате. Говорили они это одновременно, пока все остальные, пыхтя и краснея, тратили все силы на увеличение светящегося разрыва. Ноэ никому не отвечал. Он молча взял шорсир за руку и шагнул вперед.

Врата созданы только для черных лордов, и только в их компании безопасны, потому Ноэ заранее приготовился к любым неприятным ощущениям. Но для такого опыта готовности не хватило. Он и сам не заметил, как выпустил руку девушки, вообще потерял ее из виду в беснующемся свете. Хотел окликнуть, но вопль болезненным хрипом забил ему горло: Ноэ, самый старший и сильнейший из хоасси, полетел в мясорубку, уже точно ощущая, как за спиной схлопывается весь мир – и этот взрыв достигает его тела, перемалывает и разбрасывает ошметки во все стороны.

Глава 1

– Право, ваши намеки оскорбительны.

Николай поправил галстук и неспешно поднялся на ноги, чтобы напоследок окинуть присутствующих за столом взглядом, полным уязвленной гордости. Случайно в поле зрения попала стопка фишек и банкнот, но и на этом пороге парень не потерял нужное выражение лица. Об уже сделанных ставках лучше не упоминать – ноги бы унести с тем, что успел выиграть. Николай так же подчеркнуто медлительно вскинул руку и немного нервно поправил челку: нервно – чтобы каждый невнимательный увидел, как он расстроен, медлительно – с целью показать часы, ненароком выглянувшие из-под рукава. Отличная подделка, он за них когда-то туеву хучу бабла отстегнул, чуть ли половину стоимости оригинала. Эти часы обязаны стать последним штрихом образа – дескать, что ему с такими-то часиками и, соответственно, доходами незачем корчить из себя дворовую шелупень.

Вот только на одного мужика азиатской наружности образ должного впечатления не произвел. Наверное, он просто в часах не разбирался. Потому как мужик вскочил, весь красный, как круг на флаге Японии, очень патриотично, и без малейшего акцента заорал:

– Что ты тут нам чешешь, петушила?! Откуда пиковый туз взялся, если он в прошлом скиде улетел?

– В нашем интеллигентном обществе такие эпитеты нуждаются в переводе, – спокойно ответил Николай. – Если туз в прошлом скиде улетел, то откуда он взялся сейчас?

– А я гребу, откуда?! – на той же ноте вопил уже очевидно не японец. – Из рукава поди!

Николай начал морально настраиваться на то, что сейчас этот раздраженный не-японец заручится поддержкой других обиженных коллег по столу и примется его, Николая, зверски потрошить. И может, даже так качественно, что вытащит и бубновую даму, и валета – валет даже не нужен был, за компанию даме в рукав отправился. Однако предсказуемый всплеск азиатской мести предотвратил другой игрок. Он громко хлопнул по столу и тоже резко подскочил:

– Я думал, приличные люди собрались! А будто с шусерой какой-то во дворе в доминошку перекидываюсь. Это невыносимо!

И направился к выходу, еще успешнее изображая оскорбленность, чем и отвлек на себя внимание. Николай эту секундную задержку использовал, тоже растворяясь в почти ватном сигаретном дыме. Остановился за углом заведения, подальше от входа. Там выдохнул и рассмеялся.

– Ну ты и придурок, Петюня! – сказал он приятелю, уже тоже посмеивающемуся. – Они теперь поймут, что мы в паре играли, сюда нам путь надолго заказан.

– Да и ладно, – отмахнулся друг. – Не первое и не последнее место, где нам больше не рады! Пошли поклубимся, что

ли? Стресс надо снять. Двенадцать тысяч в прибыли, не так уж и плохо, надо было до последней раздачи уходить, я тебе кончиком носа намекал.

— Так я ж не думал, что именно этот круг станет таким эпическим. Вызывай таксо, парниша, стресс снять точно надо. Но недолго, мне с утра на работу.

Петюню все друзья так и называли «Петюня». Не то чтобы двадцативосьмилетний мужчина выглядел ребенком, лишь на работе гордо называясь Петром Андреевичем, просто так еще с института повелось да закрепилось. Петюня прозвище хотя бы отчасти оправдывал: невысокий, полноватый и с широкой щербатой улыбкой, по мнению Николая, он никак не тянул на Петра Андреевича. Довольно сообразительный и открытый, Петюня мог составить компанию почти в любой операции. А уж развлекаться в его обществе Николай вообще любил. На фоне не слишком крутого ковбоя, под которым умер бы любой скакун, сам Николай, и без того довольно привлекательный, выглядел вообще феерическим мачо. Рядом с Петюней и не такой симпатичный парень смотрелся бы еще выше, стройнее и очаровательнее. Петюня же от такого «сотрудничества» тоже свой куш имел, девушки нередко и ему уделяли внимание за компанию, ведь кареглазого брюнета, который их подцепил, на всех физически не хватит.

О завтрашней работе и пережитом стрессе было забыто уже через пару часов. Точнее, примерно на третьем круге шотов, оказавшихся весьма крепкими и многочисленными.

Коля с Петюней уже развалились на диванчике перед столиком и принялись усердно осматривать обстановку в поисках миловидных жертв. Не сказать, что обоих можно было назвать неразборчивыми, процессу выбора они все же уделяли самое пристальное внимание, но здесь столько потенциальных жертв, что стоило бы последить за глазами, дабы не разбежались.

И вдруг добыча обозначилась сама, синхронно принятая друзьями за самый идеальный выбор. Девушка встала перед столиком, вынудив впечатлительного Петюню протяжно и совсем не круто выдохнуть. Николай сдержался, хотя захотелось сделать точно так же. Эту девушку можно было размещать на заставке к БДСМ-роликам, и тогда счастливый зритель дальше заставки бы не смотрел: стройненькая, фигуристая, обтянутая синим латексом так, чтобы фигура для заинтересованного не осталась секретом. И взгляд! Больше всего поражал взгляд, вызывающий даже в яром противнике БДСМ-игр желание хоть разок попробовать.

В довершение образа девушка сказала, перекрикивая музыку:

– Я нашла вас, господин. Вам стоит пойти со мной.

Если в Николае и наблюдались остатки самообладания, то «господин» их стер начисто.

– А-а-а, – он все-таки выдохнул, чтобы не задохнуться. И продолжил с того же звука: – А-а-хренеть.

Когда до него дошло, парень радостно пихнул товарища

в бок.

– Петюнь, твоих рук дело? А я все думал, когда ж ты мне подарок на день рождения подаришь, два месяца ждал.

Петюня, такой же ошалевший, ответил:

– Это не я ее заказал. Может, реклама секс-шопа вышла на новый уровень? А это теперь мой любимый клуб, если кому интересно...

– Врешь? – с надеждой глянул на него Николай. Ему очень хотелось, чтобы друг врал. Если девушка на фрилансе, то сдерет нехило. Да и не входило в его привычки платить за секс, тем более настолько экспериментальный.

– Не вру, – так же разочарованно ответил друг.

Значит, оставалось только два варианта: девица разглядела поддельные часы и решила, что этот клиент вполне потянет, или попросту заблудилась, что в такой куче тел неудивительно. Николай вмиг расслабился:

– Слушай, чудо чудное, диво дивное, ты, скорее всего, адресатом ошиблась.

– Нет, господин, – она совсем не впечатлилась душевным комплиментом и упрямо качнула головой, во взгляде появилось еще больше призыва пойти на любые эксперименты – и теперь даже с использованием посторонних предметов. – Я искала вас по выданным ориентирам и запаху, что нельзя считать надежной стратегией. Но вы очень похожи на своего отца, ошибки быть не может. Пойдемте, мой лорд, я все подробно объясню, здесь слишком многолюдно для таких раз-

говоров.

Петюня тоже отмер и засмеялся:

– Иди, мой лорд, тебя на приват зовут. Слыхал, по запаху нашла? Таких подкатов я еще не видел!

Николай разделил бы товарищеское веселье, но настроение немного испортилось. Зачем красotka вдруг отца в такую интересную беседу впендюрила? Какой-то психологический трюк, после которого клиент обязан «дозреть»? Неизвестно, работает ли с другими, но Николай своего отца никогда не знал – тот свинтил, когда ребенок только появился на свет, оставив по уши влюбленную в него женщину всю жизнь ждать его возвращения невесть откуда. Мать, хоть всегда считалась красавицей, так замуж и не вышла, вообще больше с мужиками и пронырами не связывалась – вот так первая любовь может обрубить все последующие. Посему Николай не испытывал никакого желания обсуждать этого человека, как и вообще вспоминать о нем.

– Слушай, дорогуша, – он подался вперед. – Испарись и найди себе другого мальчика.

Она не сдвинулась с места, зато нахмурилась и даже от этого не стала выглядеть некрасивой.

– Я услышала ваш приказ, господин. Но осмелюсь настаивать...

– Испарись, – повторил Николай.

И девицу будто ветром сдуло.

Приятели еще немного выпили и со смехом обсудили про-

качку ночных бабочек, но продолжать посиделки не захотели. Остальные «жертвы» по сравнению с той выглядели простовато, да и на работу же с утра!

Петюня поймал такси – он жил на другом конце города, а Николай решил прогуляться, заодно и выветрить хмель из головы. Вставать в семь, похмелье будет лишним. Ему восемь часов кряду сидеть на телефоне в офисе, изображая доброжелательную техподдержку. Платили средне, вроде грех жаловаться, но парень никогда не испытывал большого удовольствия от этой работы. Ведь есть такие люди, у которых и язык где надо, и харизмой не обделены, но все как-то не клеится. Хотя иногда клеится и даже зарабатывается, но никогда – легальными способами. Николай уже давно пребывал в убеждении, что без дополнительных телодвижений ни машину без кредита не купишь, ни в карьере не продвинешься. Пока жизнь складывалась удачно, потому Николай самые масштабные телодвижения оставлял на неопределенное будущее.

Шел он довольно быстро, летняя ночь выдалась прохладной, и, услышав за спиной шаги, собрался и резко бросился влево, разворачиваясь. Сегодняшние облапошенные кретины вполне могли его выследить и продолжить разборки, такое случалось. Николай нередко бывал бит и сам умел помахать кулаками на житейско-бытовом уровне, но дело это очень не любил. Особенно, когда физиономия долго заживает, синяки не украшают мужчину, как вещают голливуд-

ские боевики, а очень даже отпугивают адекватных представительниц прекрасного пола. Неадекватных Николай и сам не особо жаловал.

Но тревога оказалась преждевременной. Шагах в десяти от него топали два подростка наркоманской сутулости и явно миролюбивого настроения, они от его маневра испуганно подскочили и, косясь, поспешили дальше. Николай махнул им вслед рукой, смеясь над собой, и снова зашагал по аллее. Но через два шага застыл от спокойного голоса прямо за спиной.

– Господин, я все же осмелилась снова подойти к вам.

Сердце ухнуло в горло и там же замерло. Так можно и до нервного срыва довести. Страхнув с плеч напряжение, Николай повернулся и уже ожидаемо встретился с пронзительным взглядом глаз необычного, почти янтарного, оттенка. А девица оказалась ниже, чем он решил в клубе. И все равно будто подавляла властностью. Или у нее голос такой, от которого жуткие мурашки бегут по рукам?

– Я рискую вызвать ваш гнев, господин, но меня об этом предупреждали. Конечно, по статусу с вами должен был говорить первый хоасси, а не я, но мы потеряли друг друга при переходе. Допускаю, что он мертв. Следовательно, миссию суждено закончить мне. Нижайше прошу выслушать недостойную, Киан из династии Кордов.

– Меня Коля зовут, – глупо ответил Коля, раз уж более умного ответа все равно не нашлось. – Ты кто такая вообще?

– Тринадцатая шорсир лорда Тария Корда и первая шор-

сир будущего лорда Киана Корда, если вы окажете мне такую милость, – она снова склонила голову. – Но вам это пока ни о чем не говорит. Я придумала выход, господин. Представьте меня своей матушке – она наверняка подтвердит хотя бы часть моих слов, потом вы уже сможете слышать.

На Николая нахлынуло жуткое раздражение. На работу в семь утра! С похмельем! А эта симпатичная идиотка явно с головой раздружилась окончательно. Он шагнул навстречу.

– Слушай сюда. Во-первых, я Коля, а не как-то там. Во-вторых, твой костюмчик впечатлял только в ночном клубе, а здесь ты выглядишь больной абстракцией вон тех двух торчков, что мимо проходили. В-третьих, представляют родителям девушек уже намного, намного позже первого секса. В-четвертых, я и сам бы побеседовал с матушкой, да вот только она умерла пару лет назад. Иди на кладбище и беседуй сколько влезет, от меня привет передавай. Достаточно пунктов, чтобы ты отвалила?

В ее глазах блеснуло то ли сомнение, то ли задумчивость.

– Боюсь, я не умею призывать мертвых, господин. Эта сила не была мне доступна даже в черной империи.

Точно, она совершенно больная, не просто двинулась кукухой, но и окончательно с ней простилась. Зарывав от бессилия, Николай поднял взгляд в звездное небо, пять раз выдохнул огнем, успокоился, снова уставился на девушку, которая на фоне остальных проблем перестала казаться симпатичной, и рявкнул:

– Всё, припадочная, всё! Разговор окончен. И даже не смей за мной ходить, я серьезно. Не люблю полицаев, но в твоём случае буду взывать даже к их помощи. Хотя тут скорее санитары нужны.

Нервно развернулся и пошел к дому еще быстрее. Девице, к счастью, хватило ума не догонять.

Глава 2

Николай Анатольевич Радужкин имел все основания не считать себя трусом. Наоборот, он по праву гордился своей выдержкой, самоуверенностью, непрошибаемым блефом и умением держать лицо. Иногда ему это удавалось даже во время мордобития. Нижеописанный случай можно отнести к редчайшим исключениям из всех правил.

Выходя из душа и лениво насвистывая, он был вынужден подпрыгнуть, практически замереть в воздухе и совсем уж не по-мужски завизжать.

– Прошу прощения, господин, – существо под личиной миловидной девицы ответило ему из коридора сухим, высокомерным тоном, не подразумевающим раскаяния.

Коля схватился за грудь и сложился пополам. Только через минуту вспомнил о том, что и дышать нужно, а не только за деятельность внутренних органов беспокоиться. И едва вдохнув, заорал:

– Ка-а-ак ты вошла?!

– Это было не так сложно, мой лорд. Хотя очень неприлично. Я провозилась почти семь минут. Надеюсь, вы простите мне неумелость, со временем я смогу справиться с любым подобным механизмом.

Николай постепенно, но слишком медленно, приходил в себя, придумывая, куда бы приложить мысли, чтобы не спя-

тить. Ну точно, дешевый замок, а Петюня тогда говорил, что на безопасности экономить нельзя. Коля еще смеялся: мол, двери ему выносят так часто, что на замках разоришься, а все ценное обычно на нем и надето. Вот и вылилась бережливость... Когда мысли приструнились, он смог соображать и о происходящем. И снова закричал:

– Чудовище ты латексное! До знакомства с тобой у меня проблем с сердцем не было!

– Прощу прощения, – так же неэмоционально повторило это ужасающее порождение больного рассудка.

– Выметайся! – взвизгнул Коля, совершенно не заботясь о том, как нехаризматично звучат настолько истерические нотки. – Выметайся отсюда, пока я полицию не вызвал.

Он даже тронуть ее уже боялся – всем известно, что сумасшедшие обладают немыслимой физической силой. Потому осторожно миновал, чтобы подобраться к двери. Распахнет и как-нибудь пнет, чтобы оно туда вылетело и никогда больше не возвращалось.

Вот только девушка шагнула в сторону, перекрывая путь, и повторила с угрозой:

– Прощу прощения, мой лорд, но я не вправе так поступить. Знаю, что за нарушение ваших приказов меня ждет мучительная смерть – я готова. Но лишь после того, как сделаю все возможное и невозможное для выполнения своей задачи. Я с ночи думала о вашей реакции. Вы не выслушаете меня, если вас не заставить. Потому я рискну.

– Заставить? – совсем уж высоким голосом спросил Коля.

– Именно. Если хоасси погиб, все равно больше никто этого не делает.

Почему-то легко представилось, как эта термоядерная самонаводящаяся ракета может его заставить. Вообще что угодно сделать. Худенькая, стройненькая, таких в мужских журналах только на ню-разворотах печатают. Но отчего-то очень легко представилось, как она нежно берет его за руку и с хрустом ломает об колено все кости. Это у него от недосыпа фантазия разыгралась, конечно, но прикасаться к девице и пытаться вышвырнуть из квартиры силой все еще не хотелось.

– Мне на работу надо! – Коля в отчаянии указал на полотенце вокруг бедер. – Уволят, если опять опоздаю!

Она очень внимательно осмотрела его полотенце – так внимательно, что будь Николай в другом эмоциональном состоянии, то начало бы подавать признаки потусторонней жизни. Сейчас ему было не до того, но девица в разглядываниях не стеснялась. Затем снова посмотрела в глаза и слегка нахмурилась:

– О какой работе вы говорите, господин? У вас есть только одна работа – украшать мир своим существованием.

Последний комплимент тоже не имел успеха в поднятии настроения. Коля ответил раздраженно:

– Какие прекрасные перспективы! А пока я работаю на

чужого дядечку, который мне платит зарплатушечку, которую я трачу на таких... нет, на таких, как ты, я сроду ни копейки не тратил!

– Вы... – она сделала длинную паузу, которая могла означать крайнюю форму замешательства. – Вы... работаете на кого-то, господин?

Сказано это было так, словно Николай только что признался в каком-то лютном извращении типа «да, я за деньги сплю со всеми работодателями города, потом облизываю их с ног до головы, получаю свой доход и уставший, с мозолями на языке возвращаюсь домой». Потому, не придумав иного ответа, Коля просто развел руками. За чем последовало немислимое – девица вдруг рухнула перед ним на одно колено и склонила голову.

– Укажите мне этого недостойного, повелитель. Клянусь, он не доживет до конца следующего дня, я вырежу все его потомство, чтобы даже капли недостойной крови не ушло в наследие.

Николай отшатнулся. Выдохнул. И сказал теперь куда спокойнее – все-таки спорные хобби в нем хоть какую-то сопротивляемость к психологическим атакам выработали.

– Как тебя зовут? – спросил он. – Не то чтобы мне это было интересно, но давай уже хоть что-то умное говорить начнем.

Она встала, снова вытянулась в струну.

– Тринадцатая, господин.

– Отлично, – Коля решил теперь вообще ничему не удив-

ляться и продолжил, уже привычно складывая руки на груди. – Умные разговоры, видимо, пока придется отложить. А по отчеству как?

– Я не понимаю вашего вопроса, простите.

– Тоже отлично. Видишь, как у нас отлично получается друг друга понимать? Сам радуюсь! Так вот, Тринадцатая, никого вырезать сегодня не надо. Шеф мой совсем немного идиот, но ровно в той степени, в которой полагается шефу. Окей?

– Как прикажете, господин.

– Вообще замечательно! – непонятно чему восторгался Коля. – Но работа мне нужна, потому сейчас я оденусь, а потом поеду туда. Ты же в это время можешь... не знаю даже. Домой к себе сходить. Таблетки принять, например. Хороший план, нравится?

– Я не вправе давать оценку тому, что вы говорите, господин. Потому не могу сказать, нравится мне или нет.

– Великолепно! Тогда я пошел одеваться, а ты...

– Я могу помочь вам с облачением, господин.

– Я уж как-нибудь сам! – на всякий случай и уже рефлексивно испугался Коля. – Кстати, а почему «господин»? А не какой-нибудь «верховный главнокомандующий» или «мой властный хозяин»?

– Как скажете, мой властный хозяин.

Коля подавился смешком.

– Слушай, кукла резиновая, а давай устроим жесткую сес-

сию? Поиграем в твою игру, и никаких «стоп-слов»! Я сейчас пойду туда одеваться, – он указал на спальню. – А ты выходишь за дверь и идешь. Так идешь, идешь, идешь, пока не придешь.

– Куда?

– К себе домой. Или куда хочешь. Я – хозяин, вот такая меня сексуальная фантазия преследует, чтобы ты шла, шла, шла. Все поняла?

Она кивнула. Бегло глянув на часы, Николай поспешил в спальню, не зная, может ли рассчитывать на успех своей задумки. Но время действительно уже поджимало, в крайнем случае выйдут в одну дверь и уже на ходу будут решать, в насколько разные стороны расходиться. Однако едва он скинул полотенце, как снова подскочил на месте от тихого голоса прямо за спиной.

– Я уже объясняла, мой властный хозяин, что не могу так поступить, пока не исполню свою задачу. Вы, должно быть, посчитали меня глупой. Но шорсир не бывают глупы.

Он, забыв о наготы, повернулся, уже готовый впервые в жизни ударить женщину – вот прямо кулаком и прямо в лицо. Она же продолжала спокойно, будто не видела его злости:

– Я взываю о пощаде, повелитель. Вынуждена признать, что бывают случаи, когда это не стыдно. Я взываю к вашему милосердию. Все мое нутро сейчас рвется на части: я хочу слепо исполнять любой ваш приказ, но обязана поступать иначе. Шорсир вынесет любое испытание, но это оказалось

слишком трудным. Лучше попробуйте, возьмите нож и разрежьте меня на части, но не оставляйте перед этой дилеммой.

– Я тут голый стою! – Коля сегодня удивлялся бессмысленности собственных реплик.

– Я вижу.

– Выйди!

– Как прикажете.

Она покинула комнату, но уже не оставила надежды, что выйдет хотя бы в подъезд. Николай спешно натягивал рубашку, нервно застегивал пуговицы на пиджаке и скрипел зубами. Видит она, надо же! До чего молодежь дошла, что даже антиморалистов в ступор вгоняет!

Так и продолжая скрипеть зубами, он уже молча вышел в прихожую, схватил ключи от машины, открыл дверь и выжидательно посмотрел на свою неприятную гостью. Девушка безропотно последовала за ним. Так же молча он вышел из подъезда и дошел до гаража, выгнал свою не очень-то свеженькую машину, взятую в кредит, плюнул на распахнутые ворота и ударил по газам, пока синюшное чудовище не успело опомниться.

Сначала с удовольствием наблюдал в зеркало заднего вида замершую на обочине фигурку. А потом с ужасом рассматривал, как та чуть склоняет корпус, сгибает локти и начинает бежать следом, уверенно сокращая расстояние. Он прибавил скорости – и она все равно сокращала расстояние! С заносом повернул на улицу и вынужден был ударить по тормозам: го-

родское движение не позволяло свободно маневрировать. А впереди еще и светофор нагло и издевательски заискрился красным. Коля бы плюнул на это, если бы по дороге не шел сплошной поток машин, вклинить в который не представлялось возможным.

Девушка уже настигла его и дернула за ручку задней двери. Конечно, не открыла, замки водитель успел запереть. Так она вынула откуда-то из-за пояса кинжал – показалось, что оружие даже мелькнуло синим свечением – и наклонилась, что-то там разглядывая и ковыряясь. Красный даже не успел смениться зеленым, как дверь вдруг открылась и впустила ее внутрь. Девушка села, поджав ноги, и принялась. Потом повернула голову к распахнувшейся двери, протянула руку и резко захлопнула.

Дальше Николай ехал очень медленно, как самый осторожный пенсионер на всем белом свете. Ему даже сзади сигналили, дескать, ничего страшного, если он увеличит скорость до четырех километров в час. Коля не увеличивал – ехал себе, осторожность еще никому не повредила. И, конечно, молчал. А что тут говорить? За дорогой надо следить – какие раздражительные все вокруг. Зато до офиса добрался живым, почти здоровым и с большим опозданием. Так же неспешно выключил зажигание, еще медленнее повернулся к девушке, но все равно вздрогнул, как будто подсознательно мечтал, что ее там не окажется, и только после сказал – так спокойно, чтобы даже воздух не колыхнулся ненужным на-

пряжением:

– У меня сейчас дела, я должен идти.

– Я могу пойти с вами, господин.

– Не можешь, – так же ласково тянул Коля. – Не потому что ты странная, а потому что дико странная. Со мной потом не то что работать – разговаривать никто не станет. Потому что пойдешь один? – последнее прозвучало жалобным вопросом.

– Хорошо, я подожду вас здесь.

– Я вернусь только вечером.

– Хорошо, я подожду вас здесь, – точно тем же тоном отозвалось это исчадие худших кошмаров.

– Задохнешься, – почти с надеждой предсказал Коля. – Лучше выйди наружу.

– Как прикажете. Я подожду. А вечером мы поговорим.

И она выскользнула на свежий воздух. Коля, не оглядываясь, пошел в офис – сначала так же заторможенно, едва переставляя ноги, а потом все быстрее, на крыльцо он уже влетал, боясь оглянуться и увидеть на парковке экранизацию «Терминатора» с Тринадцатой пурхир, или как там ее, в роли Арнольда Шварценеггера.

Глава 3

Уже по началу можно было догадаться, что день не задался. Николай не догадался, а иначе вместо офиса летел бы в поликлинику – снова тормозить знакомого терапевта на предмет больничного. Обычно такая услуга обходилась недешево, потому Николай вспоминал о ней только в самых крайних случаях – например, когда в рабочий день просыпался уже после обеда. На этот раз ситуация не выглядела настолько пропащей, вот он и не подумал, как если бы все остальные события прошли мимо его сознания и не орали в полную глотку, что вот как раз сегодня лучше бы вообще ничем не рисковать.

На его появление в огромном кабинете никто внимания не обратил, коллеги были заняты работой. Николай, уже перестроившись на привычную зевоту, зашагал к своему столу... и был окликнут голосом, который никогда ни о чем хорошем не говорил.

– Радужкин, в мой кабинет, будьте добры.

Николаю пришлось быть добрым и последовать распоряжению.

– Здравствуйте, Виталий Игоревич.

– Здравствуй, – ответил шеф, усаживаясь за стол. – Итак, это последняя капля, дорогой Коля.

– Где? – тот делано удивился.

– А ты садись, садись, – совсем уж добродушно предложил директор. – Когда еще тебе придется здесь посидеть? Чует мое сердце, это последний раз.

– Увольняете? – почти равнодушно поинтересовался Николай.

– Угу. А сколько еще терпеть? Уходишь, когда хочешь, приходишь, когда хочешь, и это в те дни, когда не на больничном. Не напомним, с какого перепуга я вообще тебе последних сто шансов давал?

Виталий Игоревич даже раздраженным не выглядел – он просто констатировал факты. И решение уже принято, окончательное и бесповоротное, потому и злиться ни к чему. Николай тоже смысла раздражаться не увидел:

– Потому что я любого клиента могу уболтать до покупки абонемента?

– А, ну да, этого не отнимешь – врешь как дышишь, мы иногда всем офисом заслушивались. Последнее вообще хорошо зашло: «Супер-Ай-Ти давно работают на иностранное правительство и передают все данные с любых электронных устройств вашего дома, включая микроволновку, по своим шпионским каналам. Вы точно уверены, что хотите участвовать и платить этим нелюдям? Всего лишь из-за нашей небольшой технической неполадки, серьезно?» – Виталий Игоревич усмехнулся в сторону, почти дословно припоминая, а затем продолжил: – Но, Николай, к сожалению, для этого надо бы почаще на работе бывать и не отсыпаться на

диванчике в банкетном зале, перебрасывая звонки на коллег. Я вообще удивлен, что ты так долго продержался. Без обид, но такие скользкие типы редко долго остаются на приличной работе.

– Без обид, – поддакнул Коля. – Только приличная работа должна коррелировать с приличной зарплатой.

Виталий Игоревич поморщился, но все еще не хотел злиться:

– Приличная зарплата, Николай, светит только тем, кто прилично работает! Захотел бы – давно бы начальником отдела стал! А то и филиала.

– Ага. У начотделов зарплата выше на двадцать пять процентов, а геморроя больше на сорок, увольте от такой сказки.

– Так я и увольняю! – раздражение шефа, несмотря на все его усилия, все-таки просочилось в голос.

С тяжелым вздохом Николай поднялся на ноги и уточнил:

– Прямо совсем-совсем увольняете? Или просто в отпуск, только не знаете, как об этом сказать, чтобы не выглядеть великодушным?

– Увольняю! Слыхал? У-воль-ня-ю!

– И даже двухнедельной отработки не потребуете? Как-то жестоко это, не по-человечески.

– А толку с твоей отработки?! – теперь босс уже заорал. – Если ты даже в штате не особо-то работал! В понедельник явишься за расчетом, и чтобы больше глаза мои тебя не видели!

– Ну вот. А говорили без обид, – заметил Николай и покинул кабинет, пока истероид не начал еще и дыроколами швыряться в доказательство своей неправоты.

Он не особенно любил свою работу, но такого короткого рабочего дня еще не случалось. Николай вышел на улицу, глянул на машину, за которую еще не выплатил кредит, девицу рядом, которая устрашала посильнее любых коллегторов, и понуро поплелся к скамье. Сел, сцепил руки в замок и уставился в землю, решая, что делать целый остаток такого внезапно освободившегося дня.

Девица не медлила, тихо подкралась и села рядом, чем вызвала у него прилив ярости. Если уж совсем начистоту, то в увольнении ее вины нет. Ну, сегодня она немного помогла, спровоцировала, но Николай был с собой честным: не сегодня, так завтра бы уволили. Все предыдущие капли на темечко Виталию Игоревичу накапались задолго до появления страшилища в его жизни. Николай все это понимал, но и выход злости нашел:

– Из-за тебя меня уволили! Слыхала? Из-за тебя!

Она ответила тихо и сухо:

– Мне не вполне понятен смысл этого слова, господин. Хо-асси, конечно, магически включил в мой разум все общепотребимые в этом мире термины, но некоторые нуждаются в дополнительном пояснении – он предупреждал. Если нет аналогов, которые разум мог бы принять, то слово так и остается просто набором звуков. Что скрывается за «увелили»?

– Выгнали! Больше у меня нет работы, а значит, и зарплаты! Денег нет, теперь ясно?

– Почти, – отозвалась она. – Но работать и зависеть от чьего-то решения – это все равно не ваш уровень, господин. Я скрою ото всех сей прискорбный факт в вашей биографии, можете не волноваться.

Николай успел настолько испсиховаться, что эмоции уже сами переутомились и начали отступать. Теперь он даже улыбался, глядя на профиль девицы. А че не улыбаться, если вместе в дурку и пойдут? Ведь он сам видел, с какой скоростью та неслась по дороге за машиной! И странное свечение видел. Так вместе в дурке, может, повеселее будет?

– Слушай, ты действительно думаешь, что я волнуюсь из-за этого? На картах не всегда получается куш поднять, а у меня кредит! Коммуналка, чтоб ее. Бензин, в конце-то концов. И есть иногда нужно.

– После того как мы осуществим переход, вам не придется волноваться о таких мелочах, мой властный хозяин.

– Да не называй меня так! Это был стёб. По имени зови, раз уж все равно прицепилась. А то услышит кто твоего «лорда» или «хозяина», со смеху помрет.

– Пусть мрет, если ему подобное смешно. Могу и помочь, если недостаточно быстро помирать будет. У меня не тот статус, чтобы называть вас по имени, господин.

– А вот ты возьми и зови! Приказ такой, ясно?

Она сглотнула, помолчала пару секунд, потом кивнула.

– Хорошо. На все воля ваша... Киан.

– Коля, ехарный бабай, – Николай принялся истерически смеяться. – Меня зовут Коля!

– Вы приказали звать вас по имени, Киан. Ваша матушка зачем-то ввела вас в заблуждение. Если бы она уже не упокоилась, то за такое преступление против вашей личности я бы упокоила ее сама.

Николай уже вообще отпустил напряжение – а зачем напрягаться, если вокруг уже такая свистопляска, с которой не сладить?

– Офигительно! Новая подружка хотела бы убить мою упокоившуюся маму. Офигительно, какие интересные дни настали! Черт с тобой, зови как хочешь. Только давай на ты.

Ее глаза слегка округлились. Красивые, надо сказать, глаза, но какие-то холодные, неэмоциональные и этим создающие ощущение неосознанного ужаса.

– На ты? – еще тише переспросила она. – Но мой статус...

– На ты, – отрезал Коля. – Тоже приказ, если ты по-хорошему не понимаешь.

– Как скажешь, Киан, – она будто давила из себя эти слова. – Возможно, дурное воспитание твоей матушки и этого мира так сказались. В любом случае все будет так, как ты захочешь.

Если бы все было так, как он хотел, эта девица навеки исчезла бы прямо в клубе, а шеф сегодня ему зарплату в четыре раза повысил. Она такую чушь городит, что последняя

чушь даже не самой бредовой воспринимается.

– Так, хоть с этим разобрались. А у тебя какое имя?

– Тринадцатая, Киан. Смею напомнить, что уже произносила его трижды.

– Произнесешь и четырежды, пока я окончательно тему не впилю. То есть нормального имени нет?

– Я не понимаю твоего вопроса.

– Ла-а-адно, – протянул Коля. – Тогда буду звать тебя Трина. Это хоть как-то звучит. Сойдет?

– Как вам... тебе будет угодно.

– Замечательно, Трина. Предлагаю пойти куда-нибудь и смочить мозги кофеином. – Он встал. Трина плавно перетекла из сидячего положения в стоячее. Николай решил и на этом не заикливаться, разум пожалуй. – Идем тратить последние копейки, а завтра с утра начну шерстить объявления. Ты голодная?

Она шла рядом, не опережая и не отставая. Ответила после долгой паузы:

– Вынуждена признаться и в этом. После перехода мне удалось немного насытиться, но с тех пор прошло несколько дней. Я уже ощущаю, что слабею.

– Не понял. Ты не ела несколько дней? Ты бессмертная, что ли?

– Нет, конечно, – она отвечала так же монотонно. – Влагу я нашла на утренних листьях, здесь ее избыточно много.

– Как, прости, много? – ему становилось все смешнее.

– Избыточно. Невозможно пропасть даже полному лок-карту. Но пищу я опасалась добывать самостоятельно без твоего распоряжения. Хотела сначала поговорить, а потом уже принимать решения в чуждом мире. Вот потому ела только после перехода.

– И что же ты ела? – Николай решил уделять внимание каждой веселой мелочи, чтобы входить в беседу как-нибудь постепенно.

– Животное под названием «кошка». Поймала, выпотрошила, прожарила на костре и съела.

– Ты съела кошку? – веселиться расхотелось.

– Нет, неправильно выразилась. Одного из ее потомков. Выбрала того, что был крупнее.

Николай вообще остановился и уставился на нее, Трина тоже замерла.

– Ты съела котенка?! – на этот раз он почти крикнул от возмущения.

Трина вытянулась еще сильнее.

– Это здесь преступление? Тогда прошу простить за незнание.

– То есть... ты взяла маленького, хорошенького котенка, выпотрошила, зажарила и съела?!

– Примерно так, – она и глазом не моргнула, просто заметно напряглась.

– Да знаешь, как у нас таких называют? Живодерами! Это ж каким надо быть извергом, чтобы котенка...

– Повторяю, я не знала, что это священное животное. Но я услышала похвалу, благодарю.

– За что?!

– Ты назвал меня живодером и извергом. В моем возрасте такие приятные слова редко кто слышит, а уж от самого наследного лорда, вероятно, ни одна из шорсир.

– А-а, – зачем-то ответил Николай вместо всех аргументов.

И спешно пошел в кафе, пока эта жуть не начала прямо на его глазах пожирать все самое мимимишное, чем славится этот мир.

Глава 4

Насытившись тремя кусками пиццы, Трина начала говорить. Право слово, лучше бы она всю пиццу съела, чем такое нести. Хотя поначалу было занимательно.

Николай слушал внимательно, не перебивал. Он вообще был большим любителем научной фантастики с уклоном в триллеры, потому и этой историей заинтересовался. А девушка лила – так вдохновенно лила, будто ей за каждый крышесносный поворот в сценарии отдельно платили. О том, что она стала последней шорсир при отце Николая, когда на какой-то там войне с захватчиками погибла ее предшественница. А отец Николая, на минуточку, черный лорд, в той войне и был захватчиком. Интересная тема, это как в РПГ за фашистов играть прикола ради, но всерьез это, конечно, не воспринимать. Вот Николай рот с глазами все шире распахивал, представлял и заливать дальше не мешал.

Именно последнюю, самую молодую и еще не совсем психикой двинутую шорсир и выбрали для этой миссии. Она, в отличие от коллег по цеху, на бывшего правителя горбатилась немного времени, то есть скорбь ее была не столь глубокой, как у тех, кто проникся обожанием к Тарию до самых костей. Ее, наименее привыкшую обожать лишь одного человека, шансов перенастроить было больше. После этого душещипательного момента она подалась вперед и добавила

немного другим тоном:

– О верности шорсир слагают легенды, Киан. Но если позволишь, я дам совет, возьми себе и двенадцать моих сестер после воцарения. Со временем ты сможешь постепенно заменить нас. Но допустишь ошибку, если неверишь нам свою безопасность.

– Еще двенадцать таких же, как ты? – усмехнулся Николай. – Нет, для меня это слишком.

– Не таких же. Мы все разные. А похожи только преданностью господину. Мы всегда будем рядом – в любых твоих пороках и прихотях, в любых начинаниях и страстях, в сиюминутных порывах и долгосрочных стратегиях. Всегда. Все мы.

– Контрольный в голову, честное слово. А откуда вы вообще беретесь, шорсирши-страстные-киллеры?

– Это знание не является тайной, но сейчас я предпочла бы закончить основное, пока ты слушаешь.

Николай махнул рукой, разрешая продолжать. Ну, она и не стала себе отказывать в удовольствии:

– Нет судьбы лучше, чем выпавшая тебе, Киан. Нужно только пойти и взять ее, присвоить и подчинить, как это тысячи лет делали твои предки. Как вправе поступать черные лорды со всем, что существует в мирах, если им только этого захочется. Твоя империя прекрасна: черные скалы, кровавое море, вечно полная и недвижимая луна, долины, горы, реки, необъятные равнины, усеянные костями...

– Да ты просто поэтесса! – похвалил Коля. – Так вкусно все расписала, что сразу захотелось никогда не видеть. Продолжай!

– И даже самые старшие шорсир смогут справиться со своей скорбью ради тебя – ведь ты законный претендент, второй в строчке престолонаследия.

– Второй? – еще сильнее веселился Коля. – А первого, как я понимаю, такая жизнь уже доконала?

– К сожалению, да. Он промедлил с выбором своих шорсир, но так обычно и поступают новые правители. Однако в данном случае это стоило ему жизни – господин положился на свою мощь, но враги оказались сильнее. Если ты будешь мудр, на твоей стороне окажемся все мы. Сложно представить себе врага, способного справиться с такой защитой. Иди со мной, Киан из династии Кордов, и я покажу тебе дорогу к славе.

Николай уже заметил, как посетители и официанты искоса поглядывают на странную визитершу в дичайшем прикиде. Пусть что хотят, то и думают. У него тут куда больше поводов для размышлений:

– Коней осади, Трина. Во-первых, я никуда с тобой не пойду. Во-вторых, я тебе не верю. В-третьих, даже если бы поверил, то уж точно не согласился бы на такую роль. Переходите к следующей строчке престолонаследия. Как я понял, мой папаша успел оставить такую толпу – выбирай не хочу.

– Уже пытались. Третий наследник был убит вскоре после

первого. Его шорсир и не стали бы защищать, поскольку для нас порядок, установленный твоим отцом, священен.

– Красота какая! – Коля, так всерьез ничего и не принимающий, уже в голос смеялся. – С каждой фразой все заманчивее. Но мне и здесь хорошо, представляешь? Прямо отлично мне здесь. А там я что буду делать, в этом твою аду? Ну, все те три дня, пока меня не пришьют.

– Как что? – она слегка нахмурилась. – Наслаждаться жизнью, пороками, побеждать воинов света, пытаться в казематах пленных или кого пожелаешь...

– Я едва держусь, чтобы не сорваться с места, – Коля уже начал уставать от обилия бреда. – Ты на меня посмотри – я хороший человек! Прекрасный! Человечище! Ты на полном серьезе думаешь, что я мечтаю кого-то там пытаться сутки напролет от безделья?

– Ну... – она сделала паузу, которая всегда возникала в ее фразах при сильном замешательстве. – Не будешь пытаться, если не хочешь. Никто тебе не указ.

– Нет, – твердо сказал Коля. – Никто мне не указ, а на такую жизнь подписался бы только сумасшедший маньяк. Это если на секунду представить, что ты сама не такая. На этом все, переговоры зашли в счастливый тупик и считаются оконченными. Тебе это... есть куда пойти?

– Конечно. К воротам. Но открыть сможешь их только ты – по праву своей крови.

– Я имел в виду, есть тебе куда пойти, чтобы я тебя больше

не видел?

– Это невозможно, Киан, я уже говорила. Я вынуждена пойти за тобой. А если оставишь охранять замок, стану охранять. Но никуда не уйду без тебя.

– Охранять замок... – Коля почесал подбородок. – То есть соседей пугать. А родные у тебя какие-нибудь есть?

– У шорсир нет родных.

– Знакомые?

– В этом мире только ты.

– Хм... А где эти твои врата находятся? – Николай спешно выстраивал в уме другой план.

– В трех днях пешего пути. Я смогу найти. Там вокруг лес, а твое положение сначала указал знак утренней звезды, потом я уже ориентировалась на интуицию или запах.

– Понятно. Тогда мы, может, доедем туда? Открою тебе эти врата, и ты вжух – улетишь в свою империю.

– В твою империю.

– А да, постоянно забываю. Вжух – и улетишь в мою империю. Я врата-то открыть смогу? – Коля решил изобразить там целое шоу, типа вот, он пытался, но ничего не вышло по причине отсутствия самих врат и здравого смысла.

– Безусловно. Это суть твоей магии.

– А-а! Так у меня еще и магия есть?

– Безусловно. Просто в этом мире действуют другие законы, они сильно подавляют любые ее проявления. На родине ты станешь одним из сильнейших магов. Ближе всего по

способностям к тебе будут стоять только обладатели той же черной крови. Сильнее тебя в империи только советники хосси, но на этот счет можешь не беспокоиться – они служат престолу, а значит, любому, кто занимает его по праву. Они не подчиняются лорду, они его разум и баланс, но никогда не причинят зла истинному злу.

– Да какое я зло? – Колю уже пугала эта формулировка. – Я хороший человек! Образец порядочности, если интересно!

– Это я вижу. И ничего не могу с этим поделать. Но готова некоторое время ждать твоего решения. Только не гони.

– А что мне с тобой делать?

– Оставить при себе.

– Ну конечно, самое нормальное решение. Ладно, пойдем уже домой. Думаю, для начала тебя нужно одеть во что-то приличное. А потом, может, ты и домашний адрес вспомнишь.

Трина не улыбнулась и никак не показала своей радости, но Николай почти явственно ощутил ее облегченный выдох. Даже интересно, как долго она собирается играть в эту немыслимую игру?

Войдя в квартиру и скинув пиджак, Коля схватил сотовый. Тратить деньги на обновления для посторонней ему очень не хотелось, потому он решил прибегнуть к помощи многочисленных друзей, коих в списке контактов насчитывалось достаточно. Чаще всего он и номера не сохранял, потому в этом лонг-листе были только лучшие из лучших.

– Оленька, душа моя! Прости, я не звонил...

– Вот и не звони больше!

И бросила трубку. Николай попытался еще несколько раз по другим номерам. Немного удивился тому, какими дамы бывают обидчивыми. Ну и что с того, что зависли, а потом он пропал надолго? Зависали-то весело и взаимоприятно!

Через некоторое время он сменил стратегию:

– Танюша! Не бросай трубку! У меня тут... никак без твоей помощи не обойдусь, понимаешь? Ко мне сестра из Пензы приехала, а одежду с собой не прихватила...

– Ну да, сестра! Голая! Не звони мне больше, братишка!

Противная какая Танюша попалась. Коля покосился на гостью, которая недвижимо сидела возле окна, вздохнул и набрал новый номер.

– Привет, Петюнъ, как жизнь?

– Работаю, – приятель зевнул. – Ты чего в такое время звонишь?

– Да так. Уволили меня. Вот, переживаю сию.

– А мы со Славиком ставки делали, когда тебя вышвырнут. Опять он победил, гаденыш удачливый... Ладно, звонишь-то чего? Денег занять? Ни за что. Тебе занимать – себя не уважать.

– Да не нужны мне твои деньги! – праведно восхитился Николай рациональности друга. – Кстати, а в твоей фирме вакансий нет?

– Может, и есть, – поразмыслив, ответил Петюня. – Но я

здесь на хорошем счету. Настолько хорошо, что некоторыми знакомствами кичиться не стану. Ты дружбу с работой не мешай.

– Ничего себе, и ты в меня не веришь? – Коля изобразил потрясение, хотя другого ответа и не ждал. – Никто в меня не верит!

– Я в тебя верю, – отозвалась Трина от окна.

Петюня услышал и хмыкнул:

– А это кто там? Уволили – и ты сразу побежал стресс снимать? Уважаю!

– Да нет. Это соседка забежала... яйца попросить.

– Ну, тогда не буду отвлекать. Выдай соседке яйца. А субботний вечер не занимай – мне тут про заведение напели, там лохи в покер кидаются. Любители, ставки крохотные, но мы будем не мы, если пройдем мимо беспризорных лохов.

– Хоть одна отличная новость за сегодня! – обрадовался Николай. – Скинь адрес.

– Ну да, шас. Вместе пойдем. А то знаю я тебя, безработного, сейчас один рванешь, мне ни одного теплого лоха не останется. До субботы, дружище!

– До субботы.

Николай поймал себя на блуждающей улыбке. В картах ему обычно очень везло, а когда за столом одни любители – везение росло в геометрической прогрессии. И не беда, что ставки невелики: азартные новички очень легко ведутся на провокации и забывают о том, сколько могут позволить се-

бе проиграть. Главное в такого вида деятельности – вовремя свалить, пока лохи не начали чувствовать себя лохами.

Он нехотя глянул на девуцу, развернувшуюся профилем. Надо же, придумала назначить порядочного человека императором зла! И мама у Николая была очень хорошим человеком, она только грустила часто, но была слишком мягкосердечной и всепрощающей. А об отце Коли вспоминала всегда вскользь и лишь в контексте «не сказалась бы наследственность». Не сказалась, напрасно мама переживала, все идет прекрасно, положительным героем вырос Николай – вон, даже не поддался тщеславию, когда ему плюшек в виде гор скелетов наобещали! Больше он о папаше ничего не знал, а Три-не верить пока готов не был, потому и не спрашивал. Лучше уж считать отца ублюдком, бросившим женщину с ребенком, чем ублюдком вселенского масштаба, повергающим в ужас целые миры.

Глава 5

Николай оставил в стороне затею добыть шмотки халявным способом и направился к шкафу. В ворохе одежды кое-как отыскал древний спортивный костюм, порадовался, что редко наводит порядок и только потому его не выкинул. Подошел к шорсир и великодушно произнес:

– Держи, от сердца отрываю. Дуй в душ и переоденься. Даже в моих трениках ты будешь выглядеть не так вопиюще, как в своем... как это называется?

Трина проследила за направлением его взгляда и снова подняла голову.

– Мой наряд называется наряд, Киан. Униформа.

– А, точно, униформа, а не какой-нибудь там сюртук с колготами или пшырнывались, что в переводе с вашего языка должно означать «упади замертво всяк, кто узрел». Униформа же!

– Именно так, Киан. Она способна защитить от арбалетного болта и магического огня, выполнена из кожи редких рептилий туинарре, что обитают...

Коля перебил:

– Ну, теперь все в порядке. Короче, снимай туинаррскую униформу и айда в ванную. Сделаем из тебя подобие человека, а не рептилии. Стоп, стоп, не здесь раздевайся! Совсем стыда нет?

Она только успела отстегнуть от пояса кожух с ножом и глянула на него:

– Перед вами? Нет, конечно.

Николая запоздало догнала мысль, которая до сих пор крутилась где-то на подкорке сознания:

– Постой-ка. А если я прикажу раздеться, лечь на вон ту кровать и ублажать меня до послезавтрашнего утра?

– Я исполню приказ своего хозяина.

– Прико-ольно. То есть у меня появилась карманная наложница? – Николай вынырнул из странной фантазии и подскочил на месте. – погоди. То есть ты и с моим отцом?... Фу-у! Неприкольно!

Ее глаза слегка сузились.

– О чем ты говоришь, Киан? Разумеется, я ни разу не была женщиной лорда Тария, иначе не стояла бы здесь.

– Поясни, – совсем растерялся Коля.

– Шорсир выполнит любое желание своего лорда. Даже позволит стать ее мужчиной. После удалится и перережет себе горло. Ведь это показатель – если черный лорд думает, что шорсир годна быть лишь утехой, наподобие тысяч его женщин, то это плохая шорсир. Не лучшая из лучших, а лишь тело с промежностью, ничем не отличающееся от остальных для своего лорда.

– Во как, – обескураженно отозвался Николай. – С ума сойти от этих ваших распоряжений. Спасибо, что сейчас сказала, а не когда я тебя наутро с перерезанным горлом обна-

ружил. Но разве не ты говорила, что шорсир участвуют во всех лордовских страстях?

– Участвуют, если он захочет, но не становятся его женщинами, если хозяин доволен своей шорсир и не хочет от нее избавиться.

– Во как, – повторил Коля, хотя понимал теперь еще меньше. – Прошу прощения за бестактность, а ты случайно не девственница?

– Кажется, ты хочешь меня обидеть, Киан.

– Не понял ответа. Это да или нет?

– Ни один мужчина, кроме моего лорда, не имеет права даже думать обо мне. Лорд может – он может все.

– Но только один разочек?

– Именно так.

Коля засмеялся:

– Наконец-то я понял устройство вашего мира, Трина! Там развлекается только один человек, а все остальные или не развлекаются, или его обслуживают, или глотки себе режут, если случайно развлеклись. Все верно?

– Не все. «Моего» мира, а не «вашего». В остальном почти верно.

– Красотенюшка! – сделал Николай единственный разумный вывод. – Все, все, идем, я покажу, как пользоваться душем.

Спровадив на водные процедуры гостью, которая оказалась весьма сообразительной и быстро ориентировалась в

любых новых «механизмах», Коля крепко задумался. А ведь он уже почти перестроился – говорит с ней так, словно уже включился в ее правду. Мол, «вот эту фиговину поверни, если нужно будет погорячее» объясняют только тогда, когда признают уже на уровне осознания, что объяснить нужно. Это что же получается, он теперь тоже спятивший безумец, раз начал всерьез считать ее пришелицей из другого измерения?

Медленно подошел к дивану, где Трина оставила пояс, взял кожух и медленно вытащил за рукоять нож – совсем небольшой, лезвие сантиметров двадцать. Оно издавало слабое свечение. Уже ощущая холодный пот на спине, Коля осторожно дотронулся пальцем до лезвия и ничего не ощутил: ни жара, ни холода. Но свечение осталось! Провел лезвием по воздуху, после чего голубое пламя вспыхнуло ярче, оставляя след по траектории. Парень в ужасе бросил оружие на диван, не в силах заставить себя впихнуть его обратно в ножны и сделать как было.

Отступил на пару шагов, но взгляда от ножа оторвать не мог. Он светится! А когда двигается в пространстве, разгорается еще сильнее. Это фокус какой-то? Или все-таки магия? Никакие из бредовых объяснений так быстро не погружают в веру, как единственное наглядное доказательство. Так он и стоял, пока за спиной не раздался голос Трины. Она даже двери открывать и закрывать умеет бесшумно?

– Я переоделась, как ты велел, Киан. Но должна сразу при-

знать, что эта одежда менее удобна – в случае опасности я могу действовать не на пределе возможностей.

Он медленно повернулся. Девушка с мокрыми волосами и в старом спортивном костюме на несколько размеров больше выглядела самой обычной девчонкой – очень симпатичной, лет двадцати на вид, немного суровой, как если бы у нее просто было плохое настроение. И это вот все – все остальное – не вязалось!

– Я трогал твой нож, – зачем-то признался он, хотя преступление и не требовало улик. Она же вообще никак не отреагировала, просто ожидая продолжения. – Это какой-то странный нож.

– Одно из многочисленных оружий шорсир, – ответила она равнодушно. – Хоасси сказал, что в этот мир лучше не брать длинных мечей и копий, потому я выбрала нож.

И правда, все же понятно! Николай ощутил раздражение:

– Но он светится!

– Да. Магия в этом мире сильно заглушена, но не полностью. Тьма и здесь проявляется, хотя вряд ли так разит врага, как дома.

– Тьма?! Я его трогал! – испугался он.

Трина – обескуражив его окончательно – вдруг улыбнулась. Не то чтобы широко и приветливо, просто уголки ее губ чуть растянулись, а это на фоне предыдущих эмоций выглядело огромным прогрессом. И ответила, как будто добрая мамаша глупому карапузу:

– Тебе не может повредить тьма, Киан. Ты и есть тьма.

И все, парень окончательно устал. Ну сколько можно хотеть над происходящим? Да невозможно легко относиться ко всему этому безумному дню, он еще долго продержался!

– Да какая я тьма? – вызывал теперь к ней, как к единственному, способному понять. – Какое из меня зло, Трина? Я же хороший человек!

Она отвела взгляд и задумалась. Затем ответила медленно, будто подбирала слова:

– Ты действительно хороший человек по меркам своего мира. Но по меркам этого мира разве ты не зло? Я смотрела, слушала и анализировала. Женщины на тебя обижены, друзья тебе не доверяют, даже то недостойное существо, на которое ты работал, предпочло от тебя избавиться. Поправь, если я ошибаюсь, но не считают ли тебя все вокруг скользким мерзавцем?

– Что?! – возмутился Николай. – Меня даже зло считает недостаточно хорошим? Ну, приехали...

– Нет. До черного лорда тебе еще придется расти. Но это общество ты давно оставил позади. К нашему взаимному прискорбию, ты оказался промежуточным звеном между добром и злом. Но, называя себя исключительно хорошим, лукавишь.

Так Николая со школы не отчитывали, когда он влез в учительскую и вытащил оттуда ответы к контрольной по физике. А хитрые учителя, как оказалось, специально допусти-

ли в листе ошибку, чтобы выяснить — кто ж это два года подряд в учительской замок ломает. И совсем как тогда ему стало бесконечно одиноко и совсем не стыдно.

— Ну и ладно, — обиженно пресек он все дальнейшие дебаты. — Только я расти до зла не хочу, даже если и не идеален. Да в этом же мире вы найдете миллиард человек похуже меня! — он расхохотался, припоминая стенания мамы. — И давай уж признаем — при моей наследственности я вообще мог отморозком уродиться, но за всю жизнь никого не убил, не изнасиловал и не ограбил. Обманывал только... ну так некоторые просто просятся быть обманутыми. И котят я не жрал, в отличие от некоторых! А это возвышает меня над всем злом до уровня ангела.

Упрямица же зачем-то парировала:

— Или ты просто оказался достаточно умен, чтобы жить по правилам этого мира? Возможно, Киан, в других обстоятельствах ты раскрыл бы свои способности, а здесь даешь выход только тем, которые тебе помогают и не мешают?

— Да отстань ты уже! Забирай это свое шмотье из кожи единорога и вали к воротам. Сообщи бедным хоасси, что я безнадежен! И все, черный лорд капут! Обещаю, не буду о тебе вспоминать в эротических фантазиях.

— Это невозможно, даже если бы я забыла о своей миссии, Киан. Я не смогу открыть врата — у меня нет магии такой силы.

Николай развел руками и признался честно в том, что те-

перь его беспокоило:

– А я боюсь теперь идти к этим твоим вратам! Боюсь, поняла? Потому что начал верить! А вдруг вся эта ахинея правда? Вдруг я и есть исчадие ада с черной кровью? И кто гарантирует, что тогда врата не всосут меня силой, раз мое место в том мире? В общем, никуда я не пойду.

– Тогда я останусь здесь.

– А меня ты спросила? С деньгами напряг! Я еще и на хлебницу на содержание должен взять?

– Я все равно останусь здесь, Киан. До тех пор, пока ты не созреешь. Даже если мы опоздаем, выполнение моей задачи не может тянуться бесконечно, через пару месяцев хоасси будут вынуждены рассматривать другие варианты. Но у меня все равно других целей в жизни нет, и уйти без тебя я не могу. Потому останусь здесь. Буду служить тебе как единственному законному наследнику черного престола, пусть даже ты никогда его не получишь. Хлеб насущный я смогу добывать для нас обоих, мне нужно немного времени для адаптации.

– Да это немыслимо! Я не хочу обзаводиться сожительницей! Да я тебя вообще не знаю, чтобы к себе пускать! А потом что будет? Через пару лет привыкнем, через пять поженимся, через десять я буду счастливым отцом тройняшек?! А-а-а! Да я лучше в ад отправлюсь!

– Так я тебя туда и зову, – тихо прокомментировала Трина. – Насколько я поняла, этот термин для описания черной империи здесь применим.

– А-а-а! – настойчивее проорал Коля ей в лицо, не зная, что еще можно сказать в такой жуткой ситуации. Она даже не вздрогнула – статуя, а не человек! На такую орать себе дороже, только нервы истреплешь, но и моргнуть не вынудишь. Ее непоколебимость сбавила злость по причине непродуктивности. Потому Коля скрипнул зубами и направился на кухню: – Идем пить чай. Заваривать чай умеешь? Сейчас будешь уметь.

Его смирение было показным, ни с чем подобным он соглашаться не собирался. Просто понял, что орать и биться головой о стену бессмысленно. Как и в любой сложной ситуации, для начала надо успокоиться, а уже потом начинать думать. Хуже безвыходности может быть только безвыходность, приправленная паникой.

Глава 6

Странные сны преследовали Николая всю ночь: какие-то черные пауки с тентаклями часами куролесили с одной небезызвестной шорсир. Она с ними сражалась, а потом... не совсем сражалась. Очнувшись в странном оцепенении, парень решил, что красotka в соседней комнате, но притом физиологически недоступная, не самая приятная компания для одинокого черного лорда в самом расцвете сексуальной активности. Такие пауки могут сниться лишь как следствие уже осознанного, но невыполнимого желания. А желание – есть следствие однозначного запрета на его реализацию. Как у любого настоящего мужчины, у Николая включались все рефлексy от слова «нельзя».

Таким образом, проснулся он не в самом хорошем настроении. Девица же в его футболке уже профессионально заваривала на кухне чай и разливала по чашкам. Если бы она начала напевать под нос, то этим завершила бы картинку идеального утра, но выражение ее лица оставалось привычно каменным.

– Черного дня тебе, Киан. Надеюсь, я все верно сделала.

Да уж, идеальное утро разбилось о гранит реальности.

– И тебе черного, – ответил так приветливо, как мог. – Послушай, Трина, я тут думал, думал и додумался, что бесконечно так продолжаться не может. Ты делаешь мое суще-

ствование невыносимым.

– Ты два дня меня знаешь, Киан, позволь сгладить это впечатление.

– Да я не о том! – он прервал очередной монолог о великой преданности. – В общем, ты не можешь здесь жить постоянно. Давай уже придумывай, как тебе выкрутиться в твою реальность, я со своей стороны попытаюсь внести сильный вклад.

– Тогда пойдем к воротам. А потом чрез врата, – тотчас сообразила она. – Прямо сейчас пойдем.

– Прямо сейчас одна иди! – огрызнулся Коля. – А у меня в этом мире еще куча дел неперделанных. Как раз лет шестьдесят требуется, чтобы все успеть.

– Но... это очень долго, – медленно проговорила она, словно принимая каждое его слово всерьез.

И именно эта доверчивость прибавила Николаю энергии, он развел руками и сообщил:

– Ничего не могу сделать! Моему, в смысле, этому миру требуется непосредственное присутствие настоящего воплощения зла в моем лице, планы расписаны до минуты! Поэтому я советую... нет, приказываю тебе сесть и хорошенько обдумать свои дальнейшие действия, в которые моя персона не будет включена.

– Но...

Он перебил:

– Это приказ! Шорсир знают, что такое приказы?

Сложно придумать ситуацию забавнее: Трина села полубоком к окну, сжала зубы, изображая крайнюю степень задумчивости. Николай ей не мешал. Но через два часа его стала напрягать неподвижность ее позы. Еще через час, решив сварганить какой-нибудь супчик на двоих, он принялся поглядывать на нее – сидит себе, словно застыла, не моргает даже, исполняет приказ думать. Николай подошел и провел ладонью перед ее лицом, никакой реакции. Смешно быть перестало, сделалось жутковато. Но спросил он почти равнодушно:

– Ну как, придумала?

– Нет, Киан, – ответила она тут же.

– Еще подумаешь? – поинтересовался он с ехидцей.

– Буду думать столько, сколько прикажешь, мой лорд. Но, боюсь, такого решения вовсе не существует.

– Так, ладно, – он выдохнул легкое угрызение совести за все последние три часа. – Ты картошку чистить умеешь?

– Ни разу не пробовала, но уверена, что умею почти все.

– Тогда разворачивайся, бери нож, покажу. Сделаем с тобой куриный супчик, а под куриный супчик и не такие проблемы разрешались! Стоп, не этот нож! – он испугался, когда та почти вытащила из кожуха свой странный кинжал. – Обычный бери. Не уверен, что курица сочетается с магией тьмы.

Ничего удивительного, что Трина сосредоточенно наблюдала за его действиями и с первой картофелиной повозилась,

но уже на второй показала чудеса ювелирной и скоростной работы. Морковь она нашинковала буквально за секунды. Трина обращалась с ножом лучше, чем Николай с картами, будто лезвие росло из ее руки и подчинялось малейшим импульсам мозга. Коля восхитился, но невольно задумался о том, что если такую кудесницу научить мухлевать с картами, то ей цены не будет! Осек себя от этой странной мысли, ведь он не собирается оставлять ее при себе, и переключился на главную тему:

– Давай вместе подумаем, Трина. Ведь вы шли в этот мир, не будучи уверенными даже в том, жив ли я! Неужели никаких путей для отступления не придумали?

– Это не моя задача, Киан, искать пути отступления. Никто не предполагал, что во время перехода погибнет хоасси, а я останусь одна. Хоасси с трудом, но все-таки может управлять вратами.

– То есть умер твой единственный ключ обратно?

– Нет, конечно. Ведь ты здесь. Живой, способный открыть врата, провести туда и обратно хоть армии, но, прошу прощения, занимающийся какой-то ерундой, наподобие нарезания мяса и овощей для супа.

Николай скривился:

– Потому что людям нужно есть. Шорсир, как я понимаю, тоже – все котята мира тому свидетельство, – он помедлил. – Хорошо. Выходит, ты все равно останешься здесь, пока я не открою врата.

– Именно об этом я и говорила уже раз десять, – если бы не полное отсутствие эмоций в ее лице и в тоне, Николай мог бы предположить вспышку раздражения.

– Тогда... – он тяжело вздохнул. – Тогда мне, похоже, придется поехать с тобой к тому месту и открыть врата. Все другие варианты связаны с избавлением от трупа, а это выглядит куда более сложной задачей. Ты уйдешь без меня?

– Нет.

– Зачем же сразу отвечаешь? Даже не подумала чашок-другой! А если будет уже бессмысленно тащить меня туда, уйдешь? Ты ведь сама говорила, что эти твои советники до бесконечности ждать не будут. Не появлюсь я месяц или полгода, они коронуют следующего наследника.

– Именно так и намного раньше полгода, – она кивнула. – Черный престол не может оставаться без правителя так долго. Уверена, они начнут рассматривать другие варианты и через несколько недель.

– Ну и прекрасно! – непонятно чему обрадовался Николай. Хотя любой выход его бы осчастливил, пусть даже такой долгий. – Тогда ждем месяц, после чего я тебя выпроваживаю. В этом случае уйдешь?

Она снова зависла – взгляд застыл в воздухе. Через несколько минут мертвенного молчания соблаговолила ответить:

– Я не знаю, как поступать в таком случае, Киан. У меня не было никаких приказов, кроме одного – уговорить тебя и

доставить к воротам.

– Ну, зато я тебе могу отдавать приказы, верно? Если выберут другого престолонаследника, все твои предыдущие приказы перестанут иметь смысл. Договорились?

– Не договорились, – ответила она упрямо. – Я буду пытаться изменить твое решение. И если это не удастся спустя все допустимые сроки, начну думать, имею ли право вернуться без тебя.

– Зануда! – не выдержал Николай. – Я твой лорд! Я хочу, чтобы ты следовала моим приказам!

– Ты не замечаешь, но именно это я и делаю. Готовила бы я сейчас суп, как самая обычная крестьянская баба, если бы не следовала? Я не угрожаю, мой лорд, а ненавязчиво подчеркиваю, что в этом мире я вполне в силах взять тебя за шкуру и протащить волоком хоть по всему свету.

Николай хмыкнул:

– Это был юмор? У тебя есть чувство юмора?

– Юмор. Если тебе хочется так думать.

– Эй! Ты специально меня пугаешь?!

– Не специально. Шорсир созданы для того, чтобы пугать. Страшнее шорсир во всех мирах только черный лорд.

– Одно и то же по кругу! – разозлился Николай и посолил бульон еще раз.

Трина ела жуткий пересоленный суп с тем же видом, с которым делала все остальное, будто ее происходящее вообще не касается. А если господин пожелает пообедать одной со-

лью на тарелке, то и она присоединится без единого слова. Демоница во плоти! Точнее, робот в режиме демона, что еще хуже.

В этой затянувшейся подвешенности неделя доковыляла и до субботы. Николай прозванивал объявления на предмет вакансий, но ничего толкового пока не подвернулось, потому покер в субботу выглядел уже не только развлечением, но и необходимостью. Нахлебница его многого не требовала, просто постоянно присутствовала рядом: не начинала разговор, пока не спросят, помогала в готовке и уборке, стоило только о том распорядиться. Абсолютно непостижимым образом она на ходу схватывала любые проявления индустриального мира: сначала внимательно наблюдала за действиями Коли, потом повторяла в лучшем виде: микроволновку на таймер, стиральную машинку на режим сушки, готовку, уборку, что угодно. Николай ее глубокомысленными разговорами старался не донимать, хоть иногда и сгорал от любопытства, потому что опасался услышать и другие подробности, от которых на душе становилось совсем несладко. Но так они хорошо уживались, что однажды он решил пошутить:

– Трина, если я когда-нибудь решу жениться, то выберу такую, как ты: молчаливую, безынициативную посудомоечную машину со встроенным кухонным комбайном, в смысле, идеальную женщину!

– Не говори глупости, Киан. Ты никогда не женишься.

– Это еще почему? – обиделся Николай, хотя в ближайшие

лет пятьдесят не был намерен связывать себя браком.

– Потому что ты лучший из лучших. Преступление против всей сути бытия – отдавать себя единственной женщине. Ты можешь взять любую, хоть каждый день любую, зачем же тебе выбирать одну?

– А-а, теперь понятно, почему папаша маму бросил. А я-то его всю жизнь считал подлым мерзавцем.

– Правильно считал, он и был мерзавцем, как и положено. Но подлости в том поступке не было – он не бросил твою мать, а облагодетельствовал ее потомством, то есть посчитал достойной такого дара.

– Ясно. Лучше не продолжай. У тебя все представления о морали сдвинутые.

– Как прикажешь. Мне снова вытереть пыль?

– Хватит уже ее вытирать, скоро полки до дыр протрешь, идеальная моя. Но слушай, сегодня вечером я надолго уйду, – он заметил, как девица едва расширила глаза, и предупредил протест: – Это будет так, будто я вышел в магазин, ясно? Помнишь же – ничего страшного. Я ушел и пришел, а ты за это время ничего с собой или с кем-то другим не сотворила.

Походы в магазин действительно напоминали аттракционы с длинными предисловиями. Тащить девицу в старом мужском спортивном костюме с собой Николай не хотел, потому и настраивал ее на полчаса ожидания. Ставил перед ней будильник и говорил, до какого времени вернется. Она со-

глашалась, но при условии, что потом Трина отправится его искать. По возвращении Николай заставлял ее в неизменной позе, так и смотрящей на часы. Этот этап они пережили, но теперь речь шла не о тридцати минутах, потому он и начал заранее, с самого субботнего утра.

Она сказала с нажимом:

– Если ты будешь занят дольше положенного времени и собираешься покинуть пределы района, где я чувствую твое присутствие, лучше отправимся вместе.

– То есть ты постоянно меня чувствовала? – дошло до Николая. – Поэтому так терпеливо относилась к моим отлучкам?

– Разумеется. И ощутила бы, если бы ты подвергся опасности.

– Но на этот раз мне нужно уехать на другой конец города!

– Тогда я пойду с тобой.

– А если я не хочу тебя видеть?

– Тогда пойду так, что ты даже не заметишь моего присутствия.

– А если я прикажу остаться здесь?

– Тогда я нарушу твое распоряжение и уже не в первый раз. Умирать за подобное все равно только единожды, потому теперь я не слишком боюсь подобных нарушений.

– С ума сойти... Беру свои слова обратно, ну, по поводу того, что женился бы на такой! Это ж тихий ужас, честное слово, я как на поводке себя чувствую!

– Хочешь, приготовлю хлеб с расплавленным сыром? Я заметила, что такое блюдо поднимает тебе настроение.

Николай только руками всплеснул. Но орать на нее бессмысленно – с тем же успехом можно кричать на преданного пса: только взгляд меняется, но ровным счетом ничего не доходит. Он долго думал, потом снова вышел к ней в зал и сказал спокойнее:

– Хорошо, пойдешь со мной. Но только при условии, что ничего не будешь делать или говорить без разрешения, ясно?

– Конечно.

– И это... придется тебе хоть какую-то одежду подыскать. Собирайся, пойдём в магазин, хоть футболку с джинсами прикупим. Лишние расходы мне сейчас очень мешают, но будем надеяться, что такой акт человеколюбия сегодня же вернется сторицей.

– Благодарю, Киан. Я не заставлю тебя краснеть.

– Вот пока в магазине и потренируемся, – окончательно решил Николай.

Краснеть ему не пришлось. На Трину продавцы косились, но больше всего их интерес был вызван ее одеждой. Однако сама она не дала повода для укора.

– Вот эти джинсы, вроде твой размер, – он сам подавал в примерочную. – Выйди сюда, я гляну. Зайди обратно! Сейчас футболку какую-нибудь подыщу, пока стой там.

В итоге удалось привести девушку в приятный взгляду вид. Ей шло буквально все, а в молодежной футболке она

стала выглядеть нормальной частью этого мира – никто бы и не подумал, что где-то подвох.

– Отлично, – выдохнул он. – Только нож дома оставим, он не очень идет к этому стилю. И знаешь, надо хотя бы чуть-чуть добавить мимики. Ты умеешь улыбаться – я видел! Улыбнись.

– Без повода? – сухо поинтересовалась девушка.

– Да. Просто улыбайся.

– Постоянно?

– Нет... Ну, иногда улыбайся, – Коля и сам подбирал подходящую модель поведения. – Улыбайся, если я улыбаюсь. Или когда к тебе обращаются.

Она послушно растянула губы, отчего стала выглядеть совсем хорошенькой и совсем нормальной частью этого мира. Он же вновь задумался о том, что если Трину научить махинациям с картами, она станет источником золотых рек и кисельных гор – с такой эмоциональностью только в карты и играть. Никто же за обычной девчонкой с личиком ангела не заподозрит высочайший уровень блефа.

Глава 7

Каким-то невероятным образом Петюня Трину узнал – слишком яркая у нее внешность, чтобы смена образа помогла. И заявил понимающе:

– А!

После чего излил гнев на друга:

– А строил из себя недотрогу! Сам тогда же и спланировал продолжение вечеринки? И что же, так увлекся, что гулянка уже почти неделю продолжается? Да так славно, что теперь с нами на игру ходит? А я, получается, человек посторонний, раз от меня все скрывают?

– Перестань, – Николай отмахнулся ото всех утверждений разом. – Жук любопытный.

– А ты жук хитровыделанный! – справедливо парировал Петюня и снова посмотрел на девушку, представляясь: – Петр. А ты у нас кто, чудное виденье?

Трина неестественно широко улыбалась, как было велено. Понимая всю фальшивость, Коля поспешно шепнул:

– Раз уж спрашивают – отвечай. А то ты на работа без встроенных динамиков похожа.

Она сняла улыбку с лица, будто чем-то смазала, и ответила Петюне:

– Зови меня Триной, недостойный. Но лучше не зови – все равно откликаться я не намерена.

Петюня не обиделся, наоборот, с осознанием кивнул:

– Ролевуха продолжается? Прикольно. Идем уже, на ходу обсудим, кто сколько вкладывает и как выручку делим.

– Шкуру неубитого медведя? – Николай сразу сосредоточился.

– С тобой заранее не обговоришь – останешься без шкуры и медведя. Тринюш, не отставай, красавица. И самое главное – под руку во время игры не лезь, если в этом деле ничего не смыслишь. Или лезь, но делай вид, что мы впервые видимся.

Это был обычный расклад группового разводилова. Петюня вошел в бар первым, а Николай с Триной еще минут двадцать выжидали. Даже лохи с подозрением относятся к командным игрокам, а уж профессионалы уже при второй раздаче начнут улавливать, кто в чьих интересах вовремя скидывает.

Внутри было накурено и душно – самая привычная рабочая обстановка. Здесь люди просто отдыхали душой. Трина разместилась на скамье возле стены, от нее пока все равно проку нет. И уже через час Николай с Петюней поняли, что вечер их. Разгоряченные пивом и коньяком дальнбойщики смеялись и выглядели такими расслабленными, что даже отход карт не отслеживали. Таких только готовь и готовь.

– Я сейчас усну, – Коля подливал масла в огонь, демонстративно зевая. – А, гулять так гулять! Поднимаю до пяти кусков.

Мужики с другой стороны стола переглянулись – уже пол-

часа назад было очевидно, что играют только в удовольствие, а в удовольствие большие суммы проигрывать глупо. Петюня же сморщился до состояния «крепыш негодует», он даже какие-то возмущенные звуки притом умудрился издать и в итоге высказался:

– Да и ладно! Отвечаю! – и бросил на стол несколько банкнот, осыпая всех нелепыми подробностями: – Жене хотел духи на день рождения подарить, но теперь – просто чувствую – будет у нее этих духов литра два!

Его мечтательность как-то не вязалась с тем фактом, что до сих пор Петюня проигрывал – по мелочи, конечно, но проигрывал. Зато после того, как он «сдался», дальнобойщики, ощущая удачу на другом уровне, тоже ерепениться не стали.

Николай не смотрел на Петюню – с того станется начать улыбаться в самый неподходящий момент, – поглядел на Трину. Сидит себе фарфоровой статуэткой, глазками только двигает. А с чего Коля вообще придумал, что она обязательно начнет создавать проблемы? Даже наоборот, присутствие пусть и равнодушной, но весьма симпатичной дамы, расслабляло игроков еще сильнее, привлекая за стол все новых и новых.

Петюня на следующем круге снова проиграл – он очень профессионально изображал простачка... хотя, признаться честно, не умел жульничать так, чтобы проигрывать и выигрывать по своему выбору. А вот Николаю пришлось взять

банк – попросту нечего было ставить в следующем раунде. После этого он спокойно проиграл весь выигрыш, чем поднял соперникам чуть упавшее настроение – а они и сами не замечали, что уже прочно сидят на азарте. Еще немного – и можно начинать бомбить, пока не появятся явные признаки нервозности, потом извиниться и сваливать, как сваливали с максимальным кушем десятки раз до того. Вслед им, конечно, повозмущаются, но уже видно, что никаких особенных проблем не будет, а утро воскресенья обещает стать томным.

Как обычно и бывает в этом и других мирах, стоило только Николаю позволить себе всплеск расслабленной победоносной радости, как за спиной раздалось:

– Вот он, точно! И этот... Черт, я так и знал, что они напарники!

Петюня уже успел вскочить на ноги и позеленеть, подтверждая самые худшие предположения. Николай же встал медленнее и сначала натянул приветливую улыбку, а уже потом начал:

– Господа! О, какая неожиданная...

Ближайший «господин» не был настроен на светские беседы, потому просто ухватил его за руку и рванул на себя – видимо, чтобы собеседник стоял поближе, так удобнее разговаривать. Вот только в процессе сего действия у Николая откуда-то некстати выпала карта. Всего одна, но почему-то и ее хватило, чтобы и дальнобойщики синхронно нахмурились и так же синхронно начали подниматься. Николай, к

подобному несовпадению в точках зрения привыкший, резко развернулся и пихнул локтем «господина» в нос – мол, не надо меня держать, я и сам прекрасно стою. Не успел мужик отлететь, как между ними нарисовалась фигурка в джинсах и футболке.

– А, вот про тебя-то я и забыл, – признался Николай.

– Какие распоряжения на этот случай, Киан? – поинтересовалась она, не оборачиваясь.

– Ноги уносить.

– Чьи?

– В смысле?

На их беглый диалог внимания не обратили, поджигая кружком как-то сразу со всех сторон.

– Бабу свою убери! – крикнул кто-то из тех, что пришли.

А она все еще ждала распоряжений, закрывая собой Николая, что ему категорически не нравилось. Ну, схлопочет пощам, бывает. За такие мелочи не убивают и не калечат, если не совсем отморозки. Вот только за спиной по-водительски и очень устрашающе забурчало – совсем как их фуры. Пришлось признать, что эти добродушные дальнобои могут и убить, раз на их душевности кто-то решил нажиться.

– Ладно, бить можно, – сказал Николай тихо и спешно добавил: – Только несильно!

– Несильно?! – заорало сразу со всех сторон, сопровождаясь похрустыванием разминаемых пальцев.

– А я это не вам, – пришлось ответить Николаю сразу всей

окружности.

А уже через секунду Трина ударила ногой в лицо ближайшего, буквально вышибая его из круга. Развернувшись прямо в воздухе и толкнула в плечо одного из дальнобоев – состав отозвался неестественным хрустом. Запрыгнула на спину третьему, обхватила голову руками и прижала пальцы к глазницам. Остальные не просто опешили – одеревенели. Но поболее прочих сам Николай.

– Трина, нет, нет!

Она будто поняла, отпустила мужчину с чудом уцелевшими глазами, прыгнула на пол и ударила жертву ребром ладони сзади по шее. Он как-то совсем неловко и грузно опустился на колени, а потом упал ничком на пол. Зрелище это потрясало, поскольку было непонятно, жив он или без сознания. Петюня вылетел в проход первым. Коля тоже очнулся:

– Уходим. Трина, я сказал, уходим!

К счастью, всем хватило ума ее не останавливать.

Через квартал, задыхаясь и захлебываясь паникой, Петюня давил из себя:

– Вы спятили, спятили! Это же уголовщина! Вы понимаете, что сейчас произошло?! – он говорил все громче с каждым предложением. – Я на убийство не подписывался! За мелкое мошенничество и трупы сажают совершенно по-разному! Больная, ты просто больная! – орал он уже на Трину, но боялся приближаться. – Да и за что ты человека убила?! За то, что мы их сами облапошили?!

Она ответила с привычной монотонностью:

– Трупов нет. Один перелом, одна отключка.

У Николая тоже мелко дрожали руки, но теперь он смог выдохнуть:

– Ты уверена?

– Безусловно. Ты ведь сказал бить несильно.

Похоже, ее «несильно» и его «несильно» очень различались. Пострадавшие все равно могут написать заявление, но какое же облегчение знать, что хотя бы никто не убит. Петюня же совсем разошелся:

– Больная! Да вы оба больные! Ты телохранителя решил нанять, Коль, так молодец – правильно решил! А справку от психиатра не подумал взять?

– Да ладно тебе, Петюнь, – Николай пытался сгладить обстановку. – Ничего страшного. Зато, считай, ушли без единого синяка.

– И с деньгами, – не к месту вставила Трина. – Я забрала все со стола, ведь ты говорил, что они тебе нужны.

– А-а! – Петюня схватился за голову. – Еще и грабеж... Я на такое не подписывался! Мы теперь ни в одном клубе без пластической хирургии не появимся, если не хотим загреметь. Я вообще вас обоих не знаю, ясно? И в институте мы одном не учились!

– Петюнь...

– Да иди ты!

Друг спешно удалялся от беды подальше. Николай его

чувства полностью разделял, потому огляделся и поторопил:

– Нам тоже лучше свалить. Они уж точно нас ищут. Придется залечь на дно, причем желательно надолго и в каком-нибудь другом городе.

Трина плавно передвигалась рядом, ничуть не напрягаясь от скорости.

– Могу предложить один вариант, Киан. Там тебя никто не найдет.

– Да иди ты, – не сдержался Николай, тон-в-тон повторив за Петюней. – Сейчас твой юмор вот вообще не в тему!

– Я просто попыталась. Не стоит злиться. Кстати, почему ты злишься?

Николай не ответил – толку ей объяснять, что в приличном обществе приличные люди друг друга только обманывают, а не выдавливают глаза, не ломают кости и не отнимают деньги. Он судорожно соображал, что делать дальше. Если заяву накачают, то ему даже по улицам ходить будет опасно. Прямо сразу рвануть куда-нибудь в Питер? Полиция пока раскачается, пока составит фотороботы, сегодня точно выход свободный. На билеты и съем жилья Трина как раз нагнала. С ней вообще сложно пропасть, но Николай очень не любил так явственно противопоставлять себя общественному порядку.

Решив сделать так, Николай перешел с быстрого шага на бег. Тянуть в любом случае нежелательно, еще и вещи нужно собрать. Он решил объяснить Трине, что происходит:

– Мы сейчас с тобой соберемся и дуем на вокзал. Уедем пока куда-нибудь. Вполне возможно, что и не станут нас искать, но лучше перебдеть.

– Лучше избавиться от всех, если они тебя раздражают, – выдала она уже почти ожидаемое предложение.

– Лучше перебдеть! – с нажимом повторил Николай. – А о правилах поведения я расскажу тебе чуть позже.

– Мы никуда не поедем от врат, Киан, – она вдруг встала на месте, вынуждая остановиться и его.

Он со злостью развел руками:

– Прекрасно! Вот тут наши пути и расходятся, дорогая Тринадцатая. Я уезжаю, а ты вполне можешь оставаться рядом с вратами – буду только рад.

– Ты тоже не поедешь, – тише сказала она.

Николай вскинул бровь и подошел к ней, заглядывая в глаза:

– Поеду. Потому что я твой лорд, а не наоборот. Следовательно, я решаю – поеду или нет. И не смей угрожать, меня этот вечерок и так вымотал.

Она почему-то не выдержала прямого взгляда и уставилась в землю.

– Я не угрожаю, Киан. А предлагаю обсудить твоё решение. Но если ты отправишься в путь, я поеду следом.

Он махнул рукой и снова зашагал по дороге. Не удивился, когда она догнала и уже молча пошла рядом. Николай действительно ощущал себя выпотрошенным – у него вроде

была веселая жизнь, но такая веселая, как сегодня, приключилась впервые. Такое переварить надо, подготовиться морально, а не сразу вбултыхиваться. Потому он и думал, что дойдет до дома и уже спокойнее сможет объяснить все Три-не. Отделаться от нее он уже и не надеялся.

Однако приключениям не показалось, что Николаю уже достаточно. Уже возле подъезда из темноты выскользнула фигура, заставившая парня замереть от ужаса. Он бы даже недавним драчунам больше обрадовался, чем этому: какой-то сатанист в черном плаще с капюшоном явно шел им навстречу. Женщина, выглянувшая с собачкой из подъезда, вскрикнула и поспешила обратно под визг псинки, которую дернули за поводок и едва не зашибли металлической дверью. Собачке, похоже, объяснят, что в туалет она теперь будет ходить дома.

Николай отшатнулся, сделал еще пару шагов назад, позвал, вспомнив, кто тут главная защитница:

– Три-ина.

И теперь даже был рад, что она головой немного того, а ногами машет так, как не все умеют руками. Девушка уверенно вышла вперед, приблизилась к сатанисту и поклонилась:

– Я думала, что вы погибли, хоасси. Хвала демонам.

– Я тоже так думал, – раздался из-под капюшона голос, в котором слышалась улыбка. – А может, и погиб. Я был разорван на миллион частей, и потребовалась уйма времени, что-

бы собраться воедино. Но я нашел вас. Хвала демонам. Имя мне Ноэ, мой лорд, первый и сильнейший хоасси вашей империи, не могу выразить радости от встречи.

Он сделал шаг вперед и откинул капюшон. Чуть склонил голову без капли подобострастия, а будто бросил взгляд на собственную обувь, и тотчас выпрямился во весь свой огромный рост. Его лицо могло бы принадлежать мужчине лет сорока или пятидесяти, если бы не глаза – жуткие, туманные, по-старчески белесые и невероятно глубокие. По лысому черепу бежали витиеватые татуировки. Он не был похож на жителя этого мира еще сильнее, чем вначале Трина. Этого джинсами не спасешь...

Николай не собирался представлять, какая чертова магия требуется, чтобы из разорванных кусков собраться в тело, не собирался и возносить хвалу каким-то демонам. Он вообще текущего праздника не разделял! Впервые в жизни Коле, всегда бескрайне уверенному в себе, захотелось усесться на землю и разреваться, как девочке в песочнице, которую по голове постоянно дубасят пластмассовой лопаткой.

Глава 8

Разумеется, Николай поспешил впихнуть всех подозрительных иномирян в свою квартиру. Не то чтобы он горел желанием расширять штат незваных гостей, но все же лучше было убрать их подальше от глаз свидетелей. В подъезде, увидев возле почтового ящика соседа с внуком, заявил как можно громче:

– Прекрасный косплей, Гришаня! На вечеринке ты всех порвешь. – И вежливо поздоровался с опешившим соседом: – Жизнь за Нер’Зула, Максим Семенович!

– И тебе того же, Коль... – отозвался старик. – Молодежь развлекается, – это он уже внуку объяснил.

Кухня как-то сразу зримо сжалась, потолки опустились, когда косплеер татуированной смерти вошел в нее и с интересом осмотрелся.

– Вы садитесь, садитесь, – настойчиво посоветовал Николай, которому уже до чертиков надоело, что эта бандура над ним возвышается. – Трина, щелкни чайник, пожалуйста, я пока заварю.

Он просто решил заняться чем-нибудь, чтобы собраться с мыслями, однако хоасси наблюдал за их бытовой возней с настоящим изумлением. Кстати говоря, он выражал эмоции ярко и понятно, ни капли от деревянной холодности шорсир. В конце концов, Ноэ не выдержал и поинтересовался:

– Вы пока не заняли престол, а хоасси вообще не находятся в полном подчинении черным лордам, но в этой ситуации даже мне хочется предложить: может, я смогу выполнить эти манипуляции? Или это сделает Тринадцатая. Вы еще, прости темнота, посуду мыть возьмитесь.

– А он и мыл, – бессердечно вставила Трина.

Глаза хоасси еще немного расширились. Но голос прозвучал почти весело:

– Правильная кровь и неправильное воспитание дают интересный эффект. Надо будет на младенцах поэкспериментировать – например, можно ли из детеныша демона вырастить послушного пса, а из светлого – демона... Или все-таки кровь победит... – он задумчиво уставился в пространство, что-то перебирая в мыслях.

– Вы замечтались, Ноэ! – Николай вернул разговор в главное русло. – Нам с вами пока интересен только один опыт, мой. И как видите, кровь не победила. И хоть Трина тут всячески намекала, что из меня получился не самый хороший человек, но впору признать – черный лорд из меня еще хуже.

– Чудесно, вы умеете строить длинные предложения. То есть не полный идиот, а этого я опасался сильнее прочего, – отозвался хоасси, переведя на него белесый взгляд. – Предлагаю выпить этого травяного отвара, раз уж вы предлагаете, а потом прекратить страдать ерундой и отправиться уже к вратам. По пути и обсудим, из кого из нас троих черный лорд получится быстрее. Подсказка: двое не обладают вашей

кровью, то есть вычеркиваются из списка.

– Вай, у кого-то есть чувство юмора! – ответил Николай, уже полностью пришедший в себя и осознавший, что ему надоело быть тряпичной куколкой в чужих руках. – То есть не полный идиот, а этого я опасался сильнее прочего! Ну, раз мы оба не идиоты, то есть все шансы договориться. Уважаемый Ноэ, я отказываюсь идти с вами куда бы то ни было, найдите другого кандидата на эту мерзкую должность.

Хоасси хлебнул чая, скривился, кивнул Трине, когда та пододвинула к нему сахарницу и показала ложку. Ответил почти сразу, не мучая никого долгими размышлениями:

– Да без проблем. Совет тринадцати сразу рассматривал вероятность, что вы откажетесь, а короновать лорда против его воли не самый удачный вариант. Потом нам же и не поздоровится.

Николай так обрадовался, что даже не смог сразу осознать:

– И все? То есть на этом все? Какое счастье! Где вы были раньше, дорогой Ноэ?!

– Собирался из кусков. Довольно болезненный процесс, надо признать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.